

УДК 304.9

Публицистика в поисках путей социального обновления общества: взаимоотнопротивостоящие начала

Чойропов Цырен Цыдыпович

Доктор социологических наук, профессор,
Зав. кафедрой «Социология и политология»,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления,
670013, Россия, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в;
e-mail: ciren@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор рассматривает понятие публицистики как род профессионального занятия профессиональных публицистов, а также как наиболее оперативный и интенсивный живой способ восприятия и интерпретации бурно и быстро текущей реальности.

Ключевые слова

Публицистика, поляризация публицистики, социализированная и политизированная публицистика, влияние публицистики на политику, институт советников.

Введение

Публицистика (от лат. *publicus* – общественный) – род произведений, посвящённых актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Да, отечественная публицистика

успела сказать своё достойное слово в самом начале «перестроечно-реформаторского» времени. Именно в том «начале», которое оказалось точкой отсчёта и критерием оценки, эмпирическим основанием и последующим развёртыванием понине

противоборствующих сил и процессов, а также состоявшихся уже и ещё предстоящих последствий... Ведь «полюса» исторического противоборства, обнаружившие себя именно в тот самый исторический момент (конец 80-х – начало 90-х гг.) и поныне остаются теми же и такими же. Один из этих «полюсов» фронта – традиционно отечественный, корневой, сокровенно-глубинный, генотипный, спасительный, словом, имманентно-социальный (социализированный). А другой – традиционно чужебесный (компрадорский), беспочвенный, вырожденный (люмпенский), паразитический, губительный, словом, псевдо-политический (политизированный).

Здесь имеется в виду публицистика не только как род профессионального занятия профессиональных (штатных) публицистов. И не просто жанровая её форма. Речь идёт о наиболее оперативном и интенсивном, непосредственно живом способе восприятия и интерпретации бурно и быстро текущей реальности. Причём реальности, можно сказать, двух пластов: как непрестанно изменяющейся и уплывающей пеной в своих поверхностных политизированных слоях, так и накапливающейся капля за каплей, концентрирующейся и оседающей

имманентной социальностью в своих глубинных пластах. Но эти «пласты» многообразны и взаимосвязаны.

Публицистика в поисках путей социального обновления общества

Именно в таком многоуровневом состоянии и движении самой действительности как раз и таится проблема поиска путей обновления. Ведь пути эти пролегают и обозначают себя, вообще говоря, по всей толще действительности, на всех её пластах-уровнях: от самого поверхностного до самого глубинного. И уже априори для всякого, кто об этом задумывается, должен быть приемлем такой постулат: чем глубже пролегают пути обновления, тем значительнее и сложнее проблема их поиска и постижения; и наоборот, чем ближе к поверхности проходят они (эти пути-дороги), тем легче и проще проблема, а то и вовсе её нет или она лишь кажущаяся. Сообразно с таким постулатом можно судить об уровне глубины или поверхностности обнаружения и постижения путей обновления общества, или о зряшности и тщетности попыток.

Стало быть, и публицистику (и любой иной способ познания) воз-

можно классифицировать и ранжировать соответственно уровням глубины жизни, а также оценивать по критериям уровня глубины-поверхностности поиска тех самых «путей». Посредством этого критерия можно, далее, определять («измерять») степень истинности-ложности отдельных публицистических работ. Такая начальная задача и стоит перед нами, поскольку речь идёт именно о публицистике как специфическом способе поиска или камуфлирования истинных путей обновления.

Здесь уместно напомнить формулу известного литератора и публициста Владимира Гусева: истина находится ни справа, ни слева, ни даже посередине, но – в глубине. Применительно к нашей теме мы бы эту формулу модифицировали так: а) пути обновления общества пролегают не в поверхностных событиях, но в глубинных процессах; б) соответственно проблема поиска таких путей таится не в поверхностном бурлении эмпирической реальности, но в недоступных непосредственному восприятию глубинных процессах, лишь частично и превращённо проявляющихся в эмпирии; в) конкретнее, действительная проблема поиска путей обновления содержится в действительном (внутрен-

нем) противоречии между сущностными процессами глубинных пластов действительности и эмпирическими (внешними) способами проявления этих процессов; г) ещё конкретнее – в противоречии между социальными процессами и институционально-политическими способами (и степенью) их проявления; или – между социализацией (гуманизацией, демократизацией) и политизацией (институционализацией, бюрократизацией) общества; или – между процессами социального (имманентного) самообновления общества (народа, человека) и его перестройкой (реформированием) посредством институционально-политических механизмов...

В этом примерном перечне постулатов (его можно разворачивать и дополнять) содержатся критерии определения (измерения) различных уровней глубины – поверхностности, имманентности – внешности, социальности – институциональности, социализированности – политизированности, истинности – ложности и т. д. – измерения как самих путей обновления (самообновления) общества, так и способов их познания. Для обсуждаемой темы качественным критерием (критерием всех критериев) является уровень социальности

путей обновления и самообновления, а также способов их познания и, следовательно, самопознания. Это степень приближения к социальному качеству...

Вернёмся к публицистике. Она, похоже, на самом деле оперативнее и интенсивнее других способов познания занималась поиском путей обновления общества и преуспела в этом деле. Ведь научно-фундаментальные и литературно-художественные способы освоения реальности столь оперативно давать результаты не могут.

Публицистика сама по себе многолика и «многослойна». Она различна: по степени постижения разных пластов-уровней действительности (от поверхностных до глубинных); по историческому охвату процессов и событий (от социальных истоков и перспективных тенденций до сугубой злобы дня); по тонкости выявления исторических взаимосвязей прошлого, настоящего и будущего; по уровню теоретичности-эмпиричности; по «технологии» постижения и толкования действительности (от анализа и обобщения процессов до компиляции фактов, фрагментов)...

В конечном же итоге публицистика в нынешних условиях как бы «поляризована». А противостоящими

её «полюсами» являются, с одной стороны, уровень социальности (социализированности), с другой – степень политизированности (отдаления от социальности). Только «полюса» эти расположены не по «горизонтали», а по «вертикали»: внешний – внутренний и т. д. То есть не «правый» и не «левый», но глубинный и поверхностный, о чем уже сказано. Из всего многообразия публицистических работ мы отмечаем лишь те из них, которые взаимопротивостоят по своей ориентированности: либо на выявление социального (глубинного) содержания процессов обновления общества, либо на поверхностные механизмы реформирования общества (стало быть, на камуфлирование, политизацию социальных процессов).

И ещё одно пояснение. Имеются в виду взаимопротивостоящие «начала» в публицистике, т. е. исходные принципы, концептуальные установки, поскольку о каких-то сколько-нибудь окончательных выводах и итогах в объяснении нашей «переходной», ещё не состоявшейся социальной реальности пока говорить рано и рискованно, даже публицистическими средствами. (Впрочем, призвание публицистики как раз и заключается в обнаружении и обозначении таких

«начал», в обострении или притуплении социальных проблем.) И даже получаемые итоги имеют в то же время значение «начал» для дальнейшего процесса познания, в том числе фундаментального...

Таковы два принципиально противостоящих и несовместимых подхода к восприятию, пониманию и объяснению истории, современного состояния и перспективы нашего Отечества и нас самих. Таковы два типа публицистики: социокультурологический (социализированный) и институционалистский (политизированный).

О публицистике зашла речь вовсе не случайно. Ведь этому жанру ныне не так много внимания и сил уделяют писатели и литературоведы, историки и философы, экономисты и т. д. Правда, по поводу такого «жанрового смешения» все чаще высказываются сожаления и даже само-сожаления, поскольку оно отвлекает творческую интеллигенцию от своего непосредственного (соответственно) профессионального и жизненного призвания. Такая досада в общем понятна и правомерна. В самом деле, интенсивное включение в публицистику – это переключение внимания и сил на текущую политику, т. е. перемещение приоритетов от фундамен-

тального творчества к прикладному, прагматическому.

Не политизация ли приоритетов? (А мы, как уже заметил читатель, выступаем против такого тотального явления в нашей жизни!). Нет, в данном контексте совсем наоборот. То есть наоборот постольку, поскольку духовно одарённые, талантливые люди (каждый в своём непосредственном призвании: писатель и литературовед, историк и философ... даже технолог) как раз через публицистику привносят в политику своё профессиональное мастерство и творческое начало, которые сами по себе имеют достоинство социальной (человеческой) ценности.

Да, политика по природе своей и технологии функционирования тяготеет к институционализации и бюрократизации, к идеологизации и юридизации, к оказыванию и перевоплощению в политиканство, а то и во «внешнюю» силу и средство насилия. В такой перевоплощённой и, по сути, переродившейся форме она играет антисоциальную роль, становится антикультурой. Это тот случай, когда политика, политизируясь сама, неизбежно противостоит социокультурным ценностям и имеет тенденцию «дурно» политизировать их, т. е.

склонна десоциализировать и дегуманизировать общественную жизнь в целом.

Но своими социальными началами политика сопротивляется деструктивным тенденциям «дурной» политизации и тем самым обнаруживает потребность в одухотворении, очеловечении, окультуривании... короче, в социализации. Она постоянно нуждается в социальной профилактике, в своеобразном, так сказать, социальном «переливании крови», чтобы не переступить «последнюю черту» и не превратиться в средство открытого насилия над социальной действительностью. (Если позволительна горькая шутка, то можно бы добавить: ...чтобы не превратиться в средство «пускания» человеческой крови...)

Вот такую оживляющую и оздоравливающую миссию по отношению к политике и осуществляет публицистика. Разумеется, в исполнении талантливыми, совестливыми, нравственными, короче, подлинно гуманными писателями, литературоведами, философами и т. п. мастерами культуры и науки. В самом деле, трудно представить (впрочем, может быть, это очевидно?), какими оказались бы политика, политики и политологи без благотворного влияния на них гума-

нистической (т. е. деполитизированной) культуры и науки...

Потому-то и досада смягчается, и даже благоприятные чувства появляются, и человеческая признательность от такого поистине стоического подвижничества многих наших деятелей культуры и науки, занявших публицистикой. Это они в худую годину, в периоды безвременья, самоотверженно и бескорыстно, во благо спасения и возрождения социокультурных ценностей Отечества, отложив на время свои непосредственные художественно-творческие дела, посвящают свой талант делам гуманизации и социализации политики, испытывающей насущную потребность в таком участии... Называть буквально имена хотя бы наиболее характерных подвижников этого дела нет необходимости: они в принципе известны. Впрочем, тут имеется и доля риска – не во всем точного отражения «общественного мнения». Однако проблема «рейтинга» – занятие других. А объективную оценку определит сама история...

Впрочем, социокультурное подвижничество этого типа – едва ли не постоянное, даже можно сказать, закономерное явление человеческой истории на протяжении всех эпох. Больше того, социально-философская мысль (и

не только она) неоднократно акцентировала такое явление концептуально, как историческую необходимость. К примеру, древнегреческий мыслитель Платон в своей теории разделения видов человеческого труда и призвания (диалог «Государство») постулировал в качестве идеала «справедливости» (высшей ценности) такой императив: пока не станут философы управлять государством или правители философствовать – не жди конца злу!

Надо заметить, что к сословию философов Платон относил не узкодисциплинарных профессионалов, а мужей мудрейших, т. е. духовно одарённых, способных отличать светлое от «теневого», великое от «пещерного», одарённых всеми человеческими добродетелями¹. И ещё: по исторической необходимости и по воле судьбы мудрейшие мужи оказывались воспитателями и наставниками-советниками (нередко с драматическими последствиями для себя) юношей-престолонаследников и фактических правителей (даже диктаторов). Например, тот же Платон – у династии тиранов Дионисиев, Аристотель – у будущего императора Александра Ма-

кедонского, Сенека – у тирана Нерона, Макиавелли – у церковно-светских правителей династии Медичи (драматическая попытка), Гоббс и Локк – у противоборствующих властителей Англии, Вольтер – у ряда коронованных особ разных государств и т.д. и т.п.

О подобного рода явлениях в истории российского государства писать методом иллюстраций вряд ли уместно и позволительно. Это особая тема: она так своеобразна и сложна, противоречива и драматична! Были, конечно, были (но, увы, именно «были», да так давно!) – на Руси и в России и сами по себе философично мудрые князья-правители (наивысший уровень – это Александр Невский), и выдающиеся их духовные наставники, а в то же время великие подвижники и защитники Отечества (в Сергии Радонежском это явление обрело недостижимую и уникальную высоту выражения). У российских царей относительный уровень соединения и проявления духовной мудрости с практической политикой в условиях сложившегося самодержавия, наверное, ниже, чем у ряда князей христианско-православной Руси. Более того, относительный уровень такого соединения скорее всего имел нисходящую эволюцию (обусловлен-

1 Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Loseva. – М.: Мысль. 1990-1994. – Т. 3. – 700 с.

ную отчасти известной субординацией светской и духовной власти). Однако этот «дефицит» в какой-то мере восполнялся (правда, далеко не во всех случаях) чем-то похожим на «институты советников» (светских и духовных) при царских дворах.

Вместе с тем относительно нарастала (пожалуй, по восходящей линии) степень оппозиционного влияния российской интеллигенции на политику официального двора. Влияние не только критически-разрушительное, но и критически-спасительное (не путать с апологетическим!). Влияние, как бы «спасающее» официальную политику от деградации, от эскалации её насильственных механизмов, от дегуманизации и десоциализации. Короче, профилактическое и оздоравливающее влияние посредством социокультурных ценностей. А такая роль исторически выпала на долю не одного какого-нибудь направления отечественной культуры, но многих – самых значительных и плодотворных, представленных (если называть общеизвестные имена) Ломоносовым и Радищевым, Пушкиным и Лермонтовым, Гоголем и Достоевским, наконец, Львом Толстым, в том числе (если называть общеизвестные течения) «почвенничеством» (во главе с

Достоевским) и «славянофильством», русской православной философией... Здесь же мы лишь акцентируем некоторые способы влияния публицистики на политику: оппозиционно-конструктивный (социокультурный) и оппозиционно-деструктивный (официозно-политизированный).

Однако нельзя в связи с этим не заметить, что с так называемым «институтом советников» нашим советским и постсоветским политикам и политике в целом, увы, с самого начала и по сей день определён «не везёт». Они, эти институты и их персональный состав, были и пока ещё остаются официозно-апологетическими, конъюнктурными, к тому же заурядными и ненадёжными. Казалось бы, чем скуднее духовно, чем хилее социально, чем казённее высший властвующий корпус, тем в большей степени должен обладать духовными, социокультурными потенциями корпус советников (такое соотношение встречалось в истории государств). Однако же нет: в наших официальных «верхах» действует преимущественно иное неписанное правило: «серое – от серого, серым – по серому» (парафраз гегелевской формулы). Как иначе понять и объяснить переобилие перекатывающихся от одного официального «двора» к дру-

гому, третьему придворных персон. А ведь они выступают и в роли научных советников-консультантов, и в роли активных публицистов, делающих погоду в официальной публицистике.

Разумеется, и в среде штатных (здесь уместнее – профессиональных) публицистов всегда были, есть и будут честные и добросовестные, профессионально и социально культурные, даже самоотверженные труженики. Многих из таких преследуют (причём с обеих сторон – официально-апологетической и официально-оппозиционной). Между тем штатные публицисты объективно находятся в таком служебном положении, которое обязывает их обслуживать текущую политику, её прагматические задачи. В этом состоит их профессиональное предназначение. И вовсе не просто этим публицистам удержаться (если есть такое стремление) на уровне социально-человеческих проблем, не оказаться в плену политиканов и политиканства, не скатиться до соблазнительной, но жалкой роли официозного прислужничества.

Впрочем, прислужничество, подхалимство и лихоимство – это уже дело как бы надпрофессиональное, если угодно, «общечеловеческое» (со знаком «минус», разумеется), люд-

ское. Таким «делом» могут заниматься и постоянно занимаются отдельные персоны и целые группировки безотносительно к своему профессиональному и социальному положению. Хотя, конечно же, мера этого социально отчуждённого, дурно политизированного состояния, пожалуй, прямо пропорциональна степени приближённости к пирамиде официальной политики и к находящимся на ступенях этой пирамиды политикам. И наоборот: степень «отдалённости» обратно пропорциональна... Здесь имеет место эффект «придворности», «псевдополитизированности» – в первом варианте, а также эффект якобы «аполитичности» и «деполитизированности» – во втором варианте.

Эффект «придворности» можно иллюстрировать множеством эмпирических примеров из различных эпох и периодов нашей (и не только нашей) официальной истории. Нынешняя ситуация особенно показательна в этом смысле вследствие её переходного характера («безвременье»): «приаппаратные» и «околоаппаратные» мимикрии – её примета, специфический знак. Более того, таким «знаком» отмечен весь административно-государственный аппарат, прежде всего высший.

Заключение

Отчасти объективно-стихийное, а отчасти капризно-нарочитое, но в целом причудливо-парадоксальное сочетание самых «поздних» и самых «ранних», т. е. уже увядающих, но ещё не отпавших, и уже прорастающих, но ещё не проросших, – официальных «структур». Ну не конгломерат ли это? Именно конгломерат, к тому же предельно политизированный как в своей суммарной совокупности, так и в каждой части. Но главная его (аппарата) особенность в том, что он имеет очень малую долю социальной обусловленности, направленности и действенности. Это «плавающая структура» в конгломерате ей подобных тоже «плавающих структур» – приаппаратных и околоаппаратных. И все они (во всяком случае центральные) – на поверхности социальной действительности. То есть все они предельно политизированы, будучи мало социализированными.

Это состояние формально-институционального «многовластия» (юридическая видимость «разделения властей») и содержательно-социального безвластия (отсутствие суверенной власти в обществе). Именно такова суть «текущего (точнее, плавающего) момента»

и причина кризиса власти. Именно в таком противоречивом состоянии таится действительная проблема – проблема социализации политического аппарата власти и всех его институтов (приаппаратных и околоаппаратных). Но отнюдь не в «перестраивании» (фактически – перетряхивании, перетасовке звеньев) той же политической пирамиды как таковой. И не в манипулировании «старыми» и «новыми» институтами как таковыми. Тем паче не в их дальнейшей «политизации-деполитизации»...

Между тем целенаправленная и стихийная «перетасовка» и осознанно-нагловатая самопередислокация дюжины политизированных должностей и персон, институтов и группировок в огромной и всё разрастающейся номенклатурной пирамиде продолжается и наращивается. И очень жаль, что эта политизированная суэта выдаётся за реформу или «революцию сверху», за «демократизацию» политической системы. Будто подлинная демократизация политической системы общества возможна лишь на уровне номенклатурных и оппозиционных институтов. То есть вне глубинных социальных процессов, вне социализации политической жизни именно общества.

Библиография

1. Гусев В. И. Искусство прозы. Статьи о главном. – М., 1999. – 157 с.
2. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – М., 1996. – 800 с.
3. Общественная мысль России XVIII – начала XX в. / Отв. ред. В. В. Журавлев. – М.: РОССПЭН, 2005. – 640 с.
4. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль. 1990-1994. – Т. 3. – 700 с.
5. Скуленко М.И. Убеждающее воздействие публицистики (основы теории). – Киев, 1986. – 176 с.
6. Троицкий Л. Об интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. – С. 116.

Social and political journalism in search of social renewal of society: inter-opposing principles

Choiropov Tsyren Tsydypovich

Full Doctor of Sociologic Sciences, professor,
The head of the department "Sociology and Political Science",
East Siberia State University of Technology and Management,
P.O. box 670013, 40v Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, Russia;
e-mail: ciren@mail.ru

Abstract

The article considers the concept "political journalism" as a kind of professional work which lends itself to classification and ranging according to life depth levels as well as to valuation by criteria of depth-exteriority level of "findpaths". By dint of this criterion one may determine the truth-falsity degree of some journalistic works. The author sets this initial problem as far as the question is the social and political journalism as a peculiar method of search or camouflage of actual renewal paths.

The qualitative criterion (criterion of all criteria) for the topic discussed is the sociality level of renewal and self-renewal paths and the means of their perception and thus self-actualization.

Social and political journalism is multifaced and "multilayer" on its own account. It varies in: comprehension level of different reality layers-levels (from superficial to deep-seated); historical sweep of processes and events (from social sources and perspective tendencies to the especial topic of the day); delicacy of revelation of historical interrelations of the past, present and future; level of theoreticalness-empiricalness; "technology" of reality comprehension and explanation (from the analysis and generalization of processes to compilation of facts and fragments).

The author overperforms the inter-opposing "principles" in social and political journalism, i.e. collections of concepts, conceptual mindsets since this is not a time for talking about final conclusions and results in explanation of the "transitional" and not yet accomplished social reality even by dint of journalistic means.

Keywords

Social and political journalism, polarization of journalism, socialized and politically motivated journalism, journalism's influence on politics, councilor institute.

References

1. Gusev, V. I. (1999), *The art of prose. Articles about the main* [*Iskusstvo prozy. Stat'i o glavnom*], Moscow, 157 p.
2. Leont'ev, K. N. (1996), *The East, Russia and the Slavs: philosophical and political journalism. Spiritual Prose (1872-1891)* [*Vostok, Rossiya i Slavyanstvo: Filosofskaya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872-1891)*], Moscow, 800 p.
3. Losev, A. F. (1994), *Plato. Collected Works. In 4 vols. Vol. 3* [*Platon. Sobranie sochinenii. V 4 t. T. 3*], Mysl', Moscow, 700 p.
4. Skulenko, M.I. (1986), *Persuasive impact of journalism (fundamentals)* [*Ubezhd-ayushchee vozdeistvie publitsistiki (osnovy teorii)*], Kiev, 176 p.
5. Trotskii, L. (1993), "On the intelligentsia" *Intellectuals. Power. People* ["Ob intelligentsii", *Intelligentsiya. Vlast'. Narod*], Moscow, p. 116.
6. Zhuravlev, V. V. (2005), *Social thought in Russia of the XVIII – the beginning of the XX centuries* [*Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – nachala XX v.*], ROSSPEN, Moscow, 640 p.